

A photograph of a city street with yellow double lines on the asphalt. In the background, there are traffic lights, some of which are red, and buildings. A sign for 'ALL STA' is visible on the right. The scene is slightly blurred, suggesting a shallow depth of field.

Алексей Бородкин

Две Даты

Алексей Бородкин

Две даты

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бородкин А. П.

Две даты / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

У молодого человека умирает мать. Она оставляет записку. Из этого посмертного письма следует, что у Ильи Раскольниковца есть отец. Точнее, три отца. Мать предоставляет сыну возможность самому выбрать своего родителя. (Такое складывается впечатление.) Однако Илья не хочет выбирать, и вообще встречаться с этими чужими для него людьми. Обстоятельства принуждают Илью сделать это. Рассказ написан в необычном стиле "Магического реализма". После прочтения у вас останутся исключительно добрые, тёплые чувства. Это я обещаю.

Удивительная штука – память. Я говорю не о банальном старческом бахвальстве: "В деталях помню, что пятьдесят лет назад происходило. Тебя тогда и в проекте не существовало". И не о способности (точнее неспособности) запомнить девять цифр телефона. О другом.

В детстве (в первой его четверти) у меня был грузовичок. Игрушечный деревянный, покрашенный васильковой краской. Предмет гордости (моей) и зависти друзей. Позже (лет через двадцать) выяснилось, что грузовичок был вовсе не мой. Он принадлежал соседскому мальчишке. "А ты, – рассказывала мама, – очень его вожделел. Хныкал и даже вступал в драки".

Вот так. Память мне "удружила", подправив некоторые несущественные (по её мнению) детали. Грузовичок стал-таки моим. Пластична память, и подстраивается под нас, как любящая жена – вот, что я хочу сказать. Недаром женского рода.

(Это вступление необходимо, поскольку дальше я буду описывать события, и приводить даты. Пользуясь услугами памяти.)

4 июля 2004 г.

Последнее (и самое яркое), что запомнилось в этот день – ботинок. Начищенный армейский ботинок. Он влетел мне в физиономию. Сдержано скрежетнули зубы, во рту появилась крошка и привкус железа. Лампочка сознания погасла.

Не могу сказать, что было приятнее вырубиться от начищенного ботинка. Полагаю, что грязный ботинок в этом отношении не менее эффективен. Мнение моё субъективно. Мама учила, что вещи нужно оценивать по изнанке: "Проверяй, как положены швы. Не болтаются ли нитки!", а обувь непременно должна быть чистой. "Даже если тебе придётся пересечь картофельное поле, твои туфли должны сиять!" И задавала вопрос, чем воспитанный человек отличается от невоспитанного?

– Чем? – переспрашивал я, заранее зная ответ.

– Отношением к обуви.

Подозреваю, что в сложной иерархической системе моей мамы, чистоплотность занимала одну из верхних строчек. Где-то между почитанием святой троицы (не сочтите за богохульство) и любовью к Анне Ахматовой. Мама была сложно организованной личностью.

Однажды мне удалось её удивить. Я купил пластинку Элвиса Пресли и дал ей послушать. Пение короля рок-н-ролла не впечатлило Аэлилу Никандровну (так звали мою маму). "Слишком много извергается бестолковой энергии, – заметила. – Настоящий художник должен быть чуть ленив", – резюмировала она. Тогда я процитировал Элвиса: "Всё, что негр может сделать для меня – это купить мои записи и почистить мне ботинки".

Мама была сражена пронизательностью исполнителя.

В ту пору я работал на почте.

Когда я мысленно произношу эту фразу, то непременно слышу звон бубенцов, скрип полозьев и завывание ветра. В макушках вековых елей клубится песня:

*Когда я на почте служил ямщиком,
Ко мне постукался косматый геолог.
И, глядя на карту на белой стене,
Он усмехнулся мне.*

Я представляю себе этим дремучим геологом. Крепким физически (что достоверно), косматым (что соответствует действительности только частично), с бесноватыми маленькими глазами и грязными ногтями на обветренных пальцах.

Вероятно, воображение рисует всё то, чего мне недостаёт.

На самом деле моя работа совсем иная. Она примитивная – если судить строго и однобоко. Трижды в неделю приходит машина с корреспонденцией. Мне (как физически сильному)

достаются посылки. Это изумляет, ибо редко встречаются отправления тяжелее пяти килограмм. Чаще всего – маленькие бандерольки. Я должен рассортировать их по видам и на каждой крупно прописать адрес. Адрес на боку (на белой бумажке) уже есть, но продублировать необходимо: "Чтобы не ошибиться", – так говорит заведующая отделением. Делается это чёрным толстым маркером, и кодируется специальным образом.

Кодировать я люблю. Это напоминает о шпионах и детективных историях.

Можно написать адрес: "улица Ленина, дом 5, квартира 21". Но это не интересно. Я пишу так: "У/Л-на/5/21", используя самый простой код. Можно чуть усложнить: "У-Лн-А-5-21". Букву "н" можно исключить, а после "У-Л-А" написать восклицательный знак. Это добавит эмоций и превратит простую посылку с сухофруктами (например) или вениками (как вариант) в праздничную весть: "УРА! Идём в баню!"

Это, своего рода игра. Когда я рассказал о ней маме, она не больно хлопнула меня по затылку и опустила уголки рта. Сказала, что у меня проблемы с кариотипом: "У обычного типового дауна, – заверила, – сорок семь хромосом, вместо положенных сорока шести. У тебя, Илья, их сорок шесть с половиной. В клинику тебя не возьмут, но и обитать среди людей тебе противопоказано".

Я не обиделся. Я не умею обижаться на Аэлилу Никандровну. Ах да, забыл представиться, меня зовут Илья. Илья Раскольников. Мне двадцать четыре года. Мы живём вдвоём с мамой.

Затем мама сетовала, что жить мне будет трудно (по её мнению, "личность должна осваивать жизнь, а не преодолевать её"), что я с трудом поддаюсь дрессуре и воспитанию, и что почта – мой потолок. Она произнесла эту фразу с какой-то неестественной, почти жалостливой интонацией, и это меня удивило. Мама всю жизнь проработала завучем в школе, и человеколюбие трансформировалось в её душе в нетрадиционные труднодостижимые формы.

Мы жили в одноэтажном бревенчатом доме на две семьи. Я называл его избой, мама – квартирой. Дом имел два входа (с противоположных сторон) и большую кирпичную печь посередине. Эта печь объединяла нас с соседями единой трубой. Если Иосиф (наш сосед, мама называла его Извилистый Иосиф, за косоглазие) протапливал свою половину печи дубовыми чурками, часть тепла доставалась нам. Мы в этот день могли не топить.

За это (за эти маленькие "печные" подачки) мама выучила соседского мальчонку французскому языку. Много позже, я сообразил, что это была изощёренная форма мести. Маленький чернявый кучерявый Исик донимал родителей картавой речью, внушая мысли, что где-то на земном шаре живёт Прекрасное. Что слово Шампань совсем не о бутылке перед Новым годом, что Гасконь, Париж и Монмартр существуют в природе. А croissant (круассан, фр.) можно потрогать руками, окунуть в кофе и съесть... а не только о нём подумать.

Когда-то (задолго до моего рождения) наш дом располагался в Деревне. Деревня эта имела название (ныне утраченное) и много-много жителей. Кроме того, имелись: сельмаг, церковь, мельница, коопторг, ферма, приход, колхоз и клуб (эти объекты-понятия понятия сменяли друг друга в пространстве и времени). Затем Город разросся, а Деревня, напротив, измельчала. Теперь наше "семейное поместье" считается окраиной. Яблоки исчезают с яблони задолго до созревания (балуются мальчишки из высотки), картофель сажать не имеет смысла, ибо он попадает на стол посторонним личностям.

От моего дома до Почты (позвольте я буду писать это слово с заглавной буквы) четыре километра. Это если по прямой, по Гуглу. Я иду вдоль железной дороги, прямо по шпалам (помните, заветы о чистоте обуви?) и получается пять с половиной километров.

Кто-то скажет, что это далеко. Возражать я не стану, но для меня этого расстояния не существует. Как только я ступаю на смуглые пропитанные шпалы, время исчезает. Я попадаю в волшебную страну, в которой я мечтаю.

Если рассказать о моих фантазиях Аэлите Никандровне, то она убедится, что у меня сорок шесть полных хромосом и ещё три четвертинки. И от дауна меня отделяет всего одна четверть.

Простые люди мечтают о вещах осязаемых: о высокой зарплате, о жене ближнего, о выигрыше в лотерею или (если касаться печального) о выздоровлении. Я мечтаю абстрактно. Обо всём и ни о чём. Вижу бабочку и мечтаю вспорхнуть над цветком. Мечтаю, как кузнечик подпрыгнуть выше головы (что отрицает народная мудрость). Хочу почувствовать зимнюю стужу лапками снегиря, и расплываюсь всеми клочками своего организма, превращаясь в кудрявое облако.

"Интересно, а облаку видно Северный полюс? Может оно полюбоваться сиянием?"

До Почты я дохожу за час. Редко когда за полтора. "Опять варезку разевал?" – спрашивает в таких случаях заведующая отделением. Грозит лишить меня премии из-за систематических опозданий, однако никогда этого не делает. Это тяжелая кряжистая по-своему красивая женщина. Просто её красота ближе австрийскому гренадёру, нежели славянской женщине. Природа перепутала эпохи и стили, но переделывать не стала, оставила как есть.

Я любил заведующую. Не в духовном смысле, а в самом простом, плотском. Время от времени она требовала задержаться после работы, и я оставался. Сторож (дедушка Аркадий) прекрасно понимал причину этих "сверхурочных". Поднимал черенок лопаты и елозил кулаком вверх и вниз, демонстрируя суть процесса. "Держись Илюха! – подмигивал. – Жарь её, стервву, как сидорову козу!"

Всё происходило в кабинете, на маленьком неудобном диванчике. Я наблюдал, как прогибаются пружины и ждал, что ножки сломаются. Мы рухнем на пол, как вавилонская башня.

На Почте я познакомился с Князевым. У меня никогда не было (и, наверное, уже не будет друзей), но Сарон Васильевич наиболее приблизился к этой удивительной человеческой "должности".

Во многих смыслах, это был неординарный человек. Личность. И наше знакомство состоялось весьма экзотически – с крупного скандала. Он явился в отделение связи, предъявил паспорт и потребовал, чтобы ему выдали посылку.

Дело было зимой (или поздней осенью... или ранней весной), помню, что за окном висело кошачье желтое око уличного фонаря, в комнате гудели лампы дневного света, а я сидел на "выдаче". Выдача – некрасивое слово и я заменил его романтическим "на выданье".

– Ну? – нетерпеливо спросил Князев. Постучал монеткой по стойке.

Это был категорически среднего роста пожилой человек. Тёмные волосы с проседью, густые брежневские брови, сверкающие энергией глаза. Худоба Князева граничила с болезнью, однако не переступила последнего рубежа.

– Да? – в свою очередь спросил я.

– Где она? – Князев.

– Кто? – я.

– Посылка?

– Какая?

На нас оглянулась "пенсионная" старушка (она явилась за пенсионной мздой). Охнула, и перешла в другое окно, чутьём разумея скорую драку.

– Моя посылка! – прошипел Князев, ещё сдерживаясь, но уже багровея.

Я никак не мог взять в толк, чего от меня хочет этот "нервный гражданин" и почему он кипятится? Не далее, как сегодня утром, я разобрал все посылки и "закодировал" адреса. Их было (посылок) немного, и посему я прекрасно помнил адреса и фамилии. Князев среди них не значился.

– Вам нет корреспонденции.

– Почему?

Задав этот вопрос, Князев нахмурился. Мои губы, в противоположность, расплзлись. Я задумался, как ответить на этот вопрос?

Откуда я мог знать, почему? Почему ему нет посылки? Тем более из Англии? "Быть может, она сгорела или утонула в Ламанше... или в Европе случилось наводнение, и картонный ящик плывёт сейчас по Рейну и в ус не дует... А быть может, посылка поступит послезавтра..."

Я не озвучил своих предположений, но часть из них отразилась на моём лице (вероятно). Князев решительно и по-змеиному проворно просунул руку, откинул задвижку и проник внутрь отделения. Сказал, что должен убедиться сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.